

Автобиография

Начнем с начала, если это для кого-нибудь интересно. История моего рода, до моего появления на свет, для меня - область, очень мало известная. Подозреваю, что мой прадед или прапрадед был еврей. Деда и отца помню очень мало. Мать происхождения русского, из рода Мамантовых, которые, в свою очередь, ведут свое происхождение от некоего легендарного хана Мамута - татарина.

Так как я своего рода не знаю, то не знаю также, были ли в нем люди чем-либо замечательные; слышал только, что отец мой, надворный советник Яков Семенович Надсон, очень любил пение и музыку, способность, которую и я от него унаследовал. Иногда мне кажется, что, сложись иначе обстоятельства моего детства, я был бы музыкантом. Замечательно также, что, когда я, девяти лет от роду, начал писать стихи, они хромали во всех отношениях, кроме метрического, и размер у меня всегда был безошибочен, хотя о теории стихосложения я и понятия не имел. Думаю, что это - результат моих музыкальных способностей.

История моего детства - история грустная и темная. Я мало могу сообщить подробностей и об обстоятельствах, сопровождавших мои первые жизненные шаги, так как тогда, будучи ребенком, я многого не понимал, а потом расспросить мне было некого - да, по правде сказать, и не хотелось много расспрашивать.

Родился я 14 декабря 1862 года в Петербурге. Затем мать и отец увезли меня, год спустя после моего рождения, в Киев. Отец вскоре умер, так что моя сестра Анна, моложе меня полутора годами, родилась уже после его смерти. В Киеве я помню наше семейство слитым с семейством некоего Фурсова, у которого мать моя жила экономкой и учительницей его дочери. Когда мне было семь лет, мать моя, рассорившись с Фурсовым, уезжает в Петербург. Я поступаю в приготовительный класс 1-й классической гимназии.

Мы живем у моего дяди, брата матери, Диодора Степановича Мамантова (теперь уже умершего). Впечатления мои у него опять главным образом музыкальные, так как дядя играл на виолончели (у него собирались квартеты; музыка была серьезная и хорошая). Вскоре мать, больная чахоткой, выходит вторично замуж - за Николая Гавриловича Фомина, управляющего Киевским отделением Российского общества страхования и транспортирования кладов - и уезжает с мужем в Киев. Меня переводят в киевскую гимназию.

Во время каникул на даче, под Киевом, отчим мой в припадке умопомешательства вешается после многих семейных сцен, вконец измучивших мою больную мать. Мы остаемся в Киеве без всяких средств и испытываем все ужасы нужды и всю тяжесть "помощи добрых людей", к числу которых принадлежали мать и брат моего покойного отца, жители Киева.

Так дело тянется до зимы, когда другой мой дядя, брат матери, Илья Степанович Мамантов, высылает нам деньги и снова вызывает нас в Петербург. Тут в 1872 меня отдают пансионером во 2-ю военную гимназию (теперь 2-й кадетский корпус), а сестру мою - в Николаевский институт. Мать в эту же зиму - правильнее, весной 1873 года - умирает, не оставив нам с сестрой почти ничего. Меня берет под свое попечение И.С.Мамантов, сестру - Д.С.Мамантов, брат матери. Мы растем разном.

В 1879 году я кончаю курс в гимназии и поступаю в Павловское военное училище. Но еще до начала учебных занятий болезнь груди принуждает меня, будучи юнкером, отправиться на Кавказ, в Тифлис, где я провожу зиму и лето 1880 года. Осенью возвращаюсь в училище, кончаю курс через два года и выхожу в 1882 году подпоручиком в Каспийский полк, в Кронштадте.

Болезнь груди, получившая свое дальнейшее развитие, и пламенное личное желание принуждают меня покинуть службу в 1884 году и выйти в отставку. Лето я отдыхаю, проводя его у А.И. Плещеева, на его даче, по Варшавской железной дороге, но отдыхать мне идет не впрок, и я, уже занявший было место секретаря редакции в газете "Неделя", которое добыл с большим трудом и которым был вполне доволен, должен был покинуть его и, по совету врачей, на средства, доставленные мне участием и хлопотами моих друзей, должен уехать за границу, в Висбаден и Канн, чтобы отсрочить на некоторое время свой смертный приговор... Веселенький пейзажик!..

Такова фактическая сторона моей микроскопической жизни.

Теперь расскажу литературную и душевную. Четырех лет я уже читал по-русски. В семье, до смерти матери, я был маленьким чудом и маленьким деспотом. Мать меня любила до безумия. Я был болезненный, впечатлительный ребенок, с детски-рыцарскими взглядами, благодаря раннему чтению и идеализму матери. Поступление в корпус было первым моим серьезным горем. В первом классе я уже мечтал о писательстве (мне было 9 лет). Тогда уже я проглотил почти всю детскую литературу - Майн